

Так и было

Айболат Куспанов

Айболат Куспанов

Так и было

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70022092

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассказ, основанный на реальных событиях, о сержанте Баке и его товарищах, о разных судьбах и о подвигах ради Родины.

Айболат Куспанов

Так и было

«Питается братскою кровью благодатная наша земля»

Глава 1

В Воронеже в казарму нагнали ребят с разных частей Западного военного округа. Многие из них с костылями, человек 50, – и я один из них. Нас называют «кавалеристами». По-любому, мы кавалеристы, ведь все мы, боевые ребята, получили ранения на СВО. А так называемых «геморройщиков» больше – это со всякими болезнями да болячками, которые они заработали ещё на гражданке. Среди них есть и легко раненные, которые ни в коем случае не хотят возвращаться на СВО. У геморройщиков разговор один и тот же, и он всегда сводится к вопросу «Как получить категорию: негоден?» У меня такое ощущение, что у них даже в мыслях нет выздороветь, вылечиться. Мне сложно курить рядом с ними, я всегда ухожу. Хотя, у каждого своя судьба. Если правду сказать, то толк от них за ленточкой будет небольшой, разве что в численности войск. Да, удивительный народ «геморройщики». Они похожи друг с другом характером, отношением к жизни, и получается, общая забота и дружба у них особая: пока ты нужен, ты закадычный друг, а как нечего с тебя взять, так ты им не интересен, и липнут к начальству как мухи, шутят, кружат вокруг них, пока от начальника что-

то зависит, и как только он ничего не решает, буквально не замечают его. Мне кажется, в жизни гражданской они приживалы и обыватели, ничего их не интересует кроме самих себя и своих забот. Это целое поколение от 30 до 40 лет – потерянное для России. И на фронте тоже из этого поколения только нытики, приживалы и трусы. Бывает очень сложно с ними, потому что они обсуждают приказы прежде, чем их выполнять. Я не могу сказать, что всё это поколение потеряно, только если точно жалкие 10 процентов. А в основном, конечно, русский сильный дух преобладает. Мужики настоящие не жалуется на невзгоды, неудобства, просто выполняют свою работу. А эти братья -геморройщики шумные, жалуется. Они заметные везде и создают атмосферу бунтарства. С ними всё ясно, и на гражданке их не устраивает начальство, государство, президент. Хорошо, что яростные из них убежали из России. Их не призвали, и так лучше – нам было бы с ними тяжело воевать. Были у меня такие во взводе на позиции, сидевшие в углу блиндажа, трясясь от страха, вечно больные, задыхавшиеся и кашляющие. Мы их называли «бородачи». Их было двое, с огромными обросшими бородами. Я их не трогал. Мне было их до омерзения жалко. Они во время боя заряжали мне магазины, подавали гранаты, боясь выйти, чтобы протянуть руку. Я их ставил на пост только с нормальными пацанами, разделяя их. А за разговоры я отправлял их в наказание на дежурство в дзот. А в дзоте, я вам скажу, не рай. Там, когда укроповский

танк, «Петруша» мы его прозвали, попадает под дзоту, три часа как минимум гул и звон стоит в голове. Если правду сказать, только выдержанные сильные мужики у меня стояли, как Банзай, Ермак, Охол – это командиры расчета. Дзот стоял на стороне подсолнечного поля между посадками. Открыто виден, но он был мощным, выдерживал прямое попадание. Ребята были там крепкие, командиров расчета из трех человек, я назначал настоящих мужиков. Банзай – взрослый, за плечами Чечня. Он больше всех простоял командиром в дзоте, отражая атаки, не давая пройти сквозь подсолнух, не давая обойти меня, справа поддерживал огнём, когда шел бой у меня. А так, он был веселый парень, шутил. Ко мне ходил без бронника и без автомата, каждый раз преодолевая опасные 50 метров. Но я потом добился, чтобы все-таки ходил с оружием. Мой заместитель Баха назвал его Банзай – так и прилипло. Высокий, коренастый, худой появлялся бесшумно, как ниндзя. Алексей, позывной Банзай, простой деревенский мужик, любитель выпить водки по его рассказам, алкаш, а на войне надежный воин, командир расчета, пулеметчик от Бога.. Банзай. Такие пацаны никогда не дадут Россию в обиду – это надёга. Ранили его, гранатометчик врага с подсолнуха достал, всего в осколках по рукам и по ногам. Расскажу, как это было: шли на меня с двух сторон, наседая хохлы. Был плотный долгий бой. Заряжающие не успевали подавать магазины. Чую, Банзай молчит, то есть не слышно его пулемёта. Я Бахе пулеметчику приказываю взять впра-

во, в сторону дзоты длинными очередями. Нам не видно, но расположение дзоты мы знали точно. Это его и спасло. Послал команду узнать, как он там. Лежит Банзай, автомат на изготовке, в одной руке граната без чеки. Встречал гостей он так, сказал помощник его. Раненный Банзай, но с гранатой в руке. А помощника его с простреленной ногой положили на плащ-палатку и унесли, а Банзай ушёл сам на Мотолыгу, крихтя, опираясь на солдата. А третий с расчёта как раз был у меня во время жары. Не смог уйти на позицию, так как работал у меня, делал дела. Он приходил за провизией, позывной Ермак. Он поначалу жаловался на страх и на то, что не высыпается в дзоте. Но я его менял, был с ним ласков, чувствовал, что этот парень воин, пусть с хитрецей, это значит, не глупый. Невысокий ростом, суховат, но жилистый парень. Пулемёт таскал на себе легко. И когда помогал носить провизию начпроду, был боек, шёл уверенно с тяжёлым грузом. Ермака, как пулемётчика, вырастил Банзай. Он и стал командиром расчёта вместо наставника. Сразу проявились уверенность и четкость в Ермаке, а хитрость и жалобы были спрятаны в далекий ящик. Когда я писал списки на награждение, дзот у меня был в первую очередь. Кто ходил в дзот на дежурство, начинал понимать, что такое обстрел позиций танком противника. В блиндаже танк не так ощущался. Перекрытие потолка было из дорожных плит в два слоя, и сверху насыпано земли с полтора метра. Когда лупил по нам «Петруша», только обсыпалась глина, и у всех

были напряженные лица, только и всего. Пост был из двух человек. Они были внутри блиндажа, стояли у входа и убегали между разрывами быстро оглядеться, посмотреть, не идёт ли враг, и забегали обратно – иначе никак. Стоять в окопе под обстрелом танка было опасно. Мы так приспособились делать, и это было эффективно – никто не получал ранения, и в то же время мы следили за обстановкой вокруг. В начале октября были коптеры только украинские. Мы научились от них прятаться. Просто выполняли всё то же, что при обстреле танком. Был у меня небольшого роста мужик, воин. Юра Зимоглят, красавчик, позывной Зима. Но для меня он был ушастый. Ему было за 50. Будто пеленгатор, он знал всё на расстоянии, и даже шорох приближения врага, не говоря уже о летающих, что жужжали словно большие пчелы. Но всё-таки закинул нам гранату хохлятский коптер на ступеньки. До сих пор перед глазами эта падающая Ф-ка, осколочная граната. Крик «Граната!» не спас Капусту (товарищ), а он сидел у входа, только сменился с наряда. Здоровый рязанский мужик зашел и плюхнулся на нары, три метра летел мне на руки при взрыве. Ранение было в голову, я сам бинтовал его. Справа голова была мягкая. Мне было больно и обидно, что ничем не могу помочь. Он только хрипел, тяжело дыша. Не спасли его, погиб на мотолыге по дороге в госпиталь. Ранило в грудь и в руку осколком и Юру, так я лишился «ушей». Я его ещё не видел после ранения, может списали из-за возраста. Я помню, как Ушастый, приставив ладони к ушам, во-

дил головой как локатором, прищурив глаза, уходил весь во слух, и не раз он заранее предупреждал о движении противника в нашу сторону. И мы уже стояли готовые принять бой. В то время, в начале, у нас не было ни тепловизоров, ни ночников – все полагались на зрение и на слух. И тем более у нас не было своих птичек. Как появились ночник и тепловизор, ночью стало попроще, нам увереннее, и часовой более спокойно контролировал всё кругом, ничего не боясь, видел всё живое вокруг, и даже мышь или куницу, и точно видел бы человека. Постоянно смотреть в прибор невозможно, потому что глаза потом фокусируются на обычный мир целую минуту.

Чтобы контролировать часовых, я придумал ночью выносить им горячего чая. Приятно им, и я спокоен. Хохлы правда ни разу ночью ко мне не являлись. Были как-то по утрам между дзотой и мной. Как раз вышли на Лысого, на его пулеметный расчет. Он стоял сзади с отделением, прикрывал меня. Лысый мне рассказывал, как это было: «Смотрю: один пошел, за ним второй, а потом третий. У меня мысль, что с дзоты только по одному ходят. Они же не могут все покинуть боевой пост. И от Баке бегают только один посыльный, когда надо. Снял с предохранителя пулемёт, я крикнул, «кто идет?», а они ответили без пароля, типа свои. Я и начал косить их, не думая. Сразу Ермак застрочил их со дзота. Оказалось идущих 6 человек. Они бросили раненного, и убитого, и оружия и исчезли в лесополосе. Как расцве-

ло, обнаружили брошенный бронезилет, разгрузки и магазин, полный патронов. С убитого ничего снимать не стали, а выброшенное всё забрали. Я взял бронезилет и подарил его своему заму Бахе, Виктору. Он стал в нём как черепашка-ниндзя. Бронезилет необычно легкий, сзади будто горбиком. Баха – плотный мужичок из Рязани, вечно недовольный всем, но воин настоящий. Освоил пулемёт быстро, содержал его в чистоте – просто загляденье. Я такого чистого оружия, как у моего заместителя, не видел никогда. Я всегда с ним советовался, что без него никуда. Но были у него и плохие привычки, самая плохая – это обсуждать приказы, и даже во время боя. Ворчит, хотя делает, как надо. Например, когда отходили хохлы, откатывались назад после атаки, чтобы жизнь им мёдом не казалась, я приказывал присылать им вдогонку ВОГи. Это не нравилось Бахе, он брюзжал, мол «зачем злить, пусть уходят», но всё равно делал, как делали. Вот такой у меня был ворчун. Коренастый, неповоротливый, косолапый как медведь, но воин был настоящий. Бил он короткими очередями прицельно и без страха в глазах, с чувством расстановки, разложив на тряпочке свои гранаты перед собой. Метал тоже искусно и в тему, чувствовал, когда надо это делать – вёл тактически-умный бой без лишнего бахвальства и героизма, который особенно был свойствен молодым. На него смотрели и брали пример, равнялись на него. Я Баху берег, как мог. Ничем абсолютно не нагружал кроме боя и дежурств. Это была моя настоящая боевая единица. И

бунтарей, они были у меня, этот хитрец поддерживал только в моё отсутствие. Когда они выдвигали требования, он нехотя соглашался, положительны ли были его ответы или отрицательны – непонятно, хитёр был старый жук. Когда погиб Эдик, Капуста, от ран, ушел раненый Зима, Ушастый, он один остался из стариков, мой Баха. Ещё правда остался Банзай, но он был в дзоте командиром расчёта.

Основной костяк создавался быстро: пришли Немец и Гусь, молодые парни, всегда держались вдвоём. Это хозяйственные пацаны, у них всё спорилось в руках, отлично работали в боевом расчёте и по-хозяйски обустроивали наш маленький быт. Немца я назначил командиром боевого расчёта, а ещё он составлял список дежурства со временем кому когда выходить на караул. Этот парень с деловой хваткой стал мне хорошим помощником. Он сразу организовал ребят – начали углублять окопы, удлинять их, т.е. делать позицию более безопасной. Я невзначай говорил про что-то из бытового: «Вот бы это сделать вот так.. и будет хорошо,» – глядишь, уже сделано. Они сами прекрасно понимали, что от этого зависит их безопасность. В бою Немец и Гусь ни разу не подвели, ведь работали уверенно, а учились у стариков быстро, на ходу.

Мы держали позицию, не подпускали хохлов шквальным огнём. Если тактика работала, мы её держались. Комбат ругал меня всё-таки, что во время боя я ничего не сообщал. Я сопротивлялся, как мог, объяснял, что не хочу, чтобы би-

ли прицельно по нам артиллерия и миномёты противника, определяя точку положения моей радийки. Я не хотел, чтобы кто-то погиб, а так и случилось.. На нас наступали с двух направлений. В это время командир прислал посыльного с рацией, думая, что моя не работает. Парень погиб, его скосило перед самым блиндажом. Гонец свалился к нам в окоп, изрешеченный пулями. Не было времени даже убрать его, так и лежал под ногами до момента короткого затишья. Молодой, в очках, мальчишка совсем – до сих пор лицо его не могу забыть. Я договорился с комбатом: «Если молчу, значит, некогда. Если, не дай Бог, буду отступать, пуцу ракету». Такой способ быстрее, чем доложить по рациям, потому что они по началу были маломощные, да и связь тоже. Я ему прямо сказал: «Тайга, отходить не буду. А если увидишь в небе две или более сигнальных ракет, значит, я вызываю огонь на себя». Так и порешили. Комбат только ответил: «Береги себя, Баке. Я тебя понял»

В этой ситуации с парнишкой комбат спросил у Кувалды, он ближе находился ко мне, «почему нет связи? Выясни». Тот и послал гонца с рацией. Парень выполнил приказ, погиб, но выполнил. Пусть земля ему будет пухом. Тяжелы такие потери, но война есть война. А Кувалда – это командир взвода, который стоял со мной на отдалении 300 метров. Он был настоящим бесстрашным войном, примером для своих солдат. Если те побаивались идти ко мне на передок, Кувалда шёл с ними. Его пацаны молодцы всё-та-

ки: таскали боеприпасы, забирали раненных и шли под миномётном обстрелом. На взвод командира налетел однажды Змей Горыныч, вовсе не сказочная, а страшная штука – снаряд с длинным шлангом, наполненный взрывчаткой, использующийся для разминирования позиций. Когда Змей срабатывал, взрывная волна разносила всё вокруг, а кто попадал в эпицентр взрыва, повезло, если становился тяжело раненым. Так и погиб Кувалда, вечная память герою.

Глава 2

В начале октября, когда нас расположили в лесополосе, дни проходили будто в пионерлагере, а не на фронте. Мы окопались на расстоянии 10 метров от друг друга по три человека, вырыли себе временные жилища – блиндажи, обустроили быт. Ночью отдыхали, дежурили по двое. Иногда с водой были проблемы и приходилось набирать её с луж, обеззараживать перед использованием, да. А когда с сигаретами стало туговато, я смастерил себе трубку. Пацаны хоть посмеивались поначалу, «что ты там строгаешь весь день?», им потом понравилась моя трубка из дуба. Кто-то даже сказал, что основание получившейся трубки похожа на сову. Мы её вместе и курили, а табак сам нашелся у солдата в соседнем расчете, позывной Старый. Это был деревенский мужик с рабочими руками, помогал мне строить блиндаж, ловко управлялся топором. Старый часто уходил один рано по утру на озеро и возвращался к нам с уловом. Мы жарили карасей, вкусно завтракали. У нашего озера, видимо, раньше

была турбаза, – мы видели заброшенные катамараны, лодки. А рядом частный дом, полный живностью, но без людей. Тощие голодные сторожевые собаки, охраняющие таких же худых быков, и пару баранов. Всех отпустили, только баранов взяли себе: одного съели, другого подарили командиру. Жизнь так и протекала две недели октября на природе. Не долго..

На фронте обстановка меняется мгновенно, неожиданно, и ощущение войны всё-таки закралось в наши тела. Кассетные снаряды разорвались в небе и рассыпали лепестки по нашей позиции. Листопад был бы красив, почти не отличим от обычных зелено-коричневых лепестков, если бы это ни были мины замедленного действия. Страшно было, мы их собирали, подхватывая лепестки двухметровой рогатулиной, вырезанной из ветки, осторожно закидывали их в яму, и собрав все, взрывали. Не все собрали, проглядели, и у нас уже появился первый раненный.